
В. В. ГУДКОВА-СЕНКЕВИЧ

К ПРОБЛЕМЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ РОДСТВЕННЫХ ГРУПП И СЕМЕЙ ЯЗЫКОВ

На страницах журнала «Советская этнография» С. П. Толстов выдвинул гипотезу о «первобытной лингвистической непрерывности», которой он объясняет происхождение родственных групп и семей языков¹. Эта гипотеза представляет собой попытку увязать проблему происхождения родственных групп и семей языков с историей первобытного общества. «Вне общества,— учит И. В. Сталин,— нет языка. Поэтому язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык...»².

Высказанное С. П. Толстовым положение о том, что в истории родового общества был период, когда существовали отдельные роды, но не было еще племен, заслуживает всестороннего рассмотрения и проверки на конкретном этнографическом материале по наиболее отсталым в культурном отношении народам. Разрешение данной проблемы для нас, лингвистов, имеет огромное значение. Следует отметить, что «теория контакта», выдвинутая Д. В. Бубрихом, очень тесно смыкается с данной гипотезой С. П. Толстова. Д. В. Бубрих полагал, что финноугорская языковая общность сформировалась на основе контактного развития родовых языков в период, когда предки финноугров жили отдельными родами, но не имели еще племен.

«Историю финноугорских народов,— писал Д. В. Бубрих,— языки которых мы изучаем, и их отношения к другим народам мы представляем себе следующим образом.

В глубокой древности финноугорских народов как таковых еще не существовало и не могло существовать. Существовало значительное количество отдельных родов, связанных контактным развитием. До организованных племенных форм жизни дело еще не доходило. Это ясно из того, что финноугорские языки, обнаруживающие довольно широкую общую родовую терминологию (названия родства и т. д.), не обнаруживают ни одного общего термина племенной жизни. Организованные племенные формы жизни стали слагаться относительно поздно, когда древний контакт уже успел разрушиться. Кое-где процесс сложения организованных племенных форм жизни особенно затянулся. Понятно, почему имена племен в большинстве случаев разъясняются из относительно поздних источников. Дальше организованных племенных форм жизни финноугры к IX в. н. э. нигде не успели продвинуться»³.

Должна признать, что в своей статье «Д. В. Бубрих как исследова-

¹ С. П. Толстов, Значение трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания для развития советской этнографии, «Советская этнография», 1950, № 4.

² И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1950, стр. 22.

³ Д. В. Бубрих, Советское финноугорское языкознание, «Ученые записки Лен. гос. ун-та, Серия востоковедческих наук», вып. 2, Л., 1948, стр. 26.

тель финноугорских языков»⁴ я дала одностороннюю оценку теории контакта Д. В. Бубриха, сделав акцент на имеющемся в ней привкусе марризма, который С. П. Толстов более точно определил как «оглядку на Марра и особенно на И. И. Мещанинова»⁵. В то время не только Бубрих, но и большинство лингвистов «делали оглядки» на Марра и Мещанинова. Этот элемент марризма, который Д. В. Бубрих во время своей полемики с Н. Н. Чебоксаровым ввел в свою теорию контакта, не был органически с ней связан и очень легко устраним из этой теории. Устранив этот органически чуждый «привкус марризма» из теории контакта Д. В. Бубриха, мы можем констатировать, что в ней есть свое рациональное зерно. Эта теория возникла у Д. В. Бубриха не сразу, а в результате многолетних исследований всех финноугорских языков. В начале своей научной деятельности Д. В. Бубрих твердо стоял на позициях теории праязыка. Однако в процессе исследования финноугорских языков он пришел к выводу, что они не сводимы по прямой линии к одному источнику. Следовательно, основной тезис праязыковой теории был им отвергнут на основании исследовательского проникновения в материал финноугорских языков. Теория контакта Д. В. Бубриха по сути дела является преодолением ограниченности и схематичности «теории праязыка» и представляет собой попытку осмысления внутренних законов развития финноугорских языков.

Для иллюстрации конкретного применения Д. В. Бубрихом теории контакта к исследованию финноугорских языков можно привести несколько примеров. Между прибалтийско-финскими языками, с одной стороны, и пермскими и угорскими, — с другой, имеется различие, проявляющееся в том, что в первых имя прилагательное в позиции определения изменяется по числам и падежам, в то время как во вторых этого не наблюдается. Основываясь на своей теории контакта, Д. В. Бубрих предполагал, что это явление (согласования имени прилагательного с именем существительным) в прибалтийско-финских языках возникло после разрыва контакта между ними и пермскими и угорскими языками, уже после прихода прибалто-финнов на территорию нынешней Финляндии. Другой пример. Известно, что в прибалтийско-финских языках в первом слове часто встречаются дифтонги, что не свойственно ни пермским, ни угорским языкам, например: финский — *нуоли* (*nuoli*), коми — *нѳол*, хантыйский — *нѳол* (стрела). Д. В. Бубрих объяснял это явление следующим образом. В период контактного развития финноугорских родовых диалектов в первом слове древних финноугорских слов были долгие гласные, как мы это видим теперь в угорских языках; например, предки современных финнов вместо нынешнего *нуоли* (*nuoli*) произносили *нѳли*. После разрыва контактных взаимоотношений между прибалтийско-финскими языками и остальными группами финноугорских языков, скорее всего после проникновения первых на территорию нынешней Финляндии, в них долгие гласные преобразовались в дифтонги, например, древнее *киэли* дало *киэли* (*kieli*) — язык; *нѳли* перешло в *нуоли* (*nuoli*) — стрела и т. д.

Ввиду сказанного я полагаю, что теория контакта Д. В. Бубриха, освобожденная от «оглядки на марризм», является крупным достижением советской финноугорской филологии.

Предположение С. П. Толстова о том, что экзогамия явилась основой для формирования «первобытной лингвистической непрерывности», представляется мне очень заманчивым. Даже в нашу эпоху между аганскими и казымскими хантами и лесными ненцами на базе экзогамии обнаруживается все возрастающая языковая общность, благодаря

⁴ См. «Известия Академии Наук СССР, Отд. литературы и языка», т. IX, вып. 3, 1950, стр. 191—192.

⁵ С. П. Толстов, Указ. раб., стр. 59.

которой происходит чаще всего ассимиляция хантыйского языка ненецким, о чем кратко сообщается в работе Г. Д. Вербова⁶. Весьма возможно, что именно экзогамия явилась основной причиной возникновения языковой общности в рамках первобытного общества. Однако для того, чтобы превратиться в теорию, каждая гипотеза должна быть подтверждена фактами. На материале финноугорских языков видно, что фратарии *пор* и *мошь* (*мось*, *моньть*) в древности были распространены от Поволжья до Енисея. И именно на этом пространстве между самоедскими и финноугорскими языками мы находим определенную общность, которую Д. В. Бубрих считал настолько значительной, что даже предлагал объединить ненецкие языки в одну группу с финноугорскими. «Чтобы не было неясностей,— писал Д. В. Бубрих,— надо твердо заявить, что финноугорские языки достоверно составляют то, что называется системой языков, и что к ним, в рамках более широкой системы языков, примыкают самоедские»⁷.

Влияние экзогамии на распространение языковой общности представляется мне несомненным. Но «факты,— сказал И. П. Павлов,— воздух ученого». А пока у нас еще не хватает фактов для превращения данной гипотезы в теорию. Поэтому мне представляется целесообразным выдвинуть перед исследователями проблему изучения влияния экзогамии на формирование общности языков. Гипотеза о первобытной лингвистической непрерывности представляет собой плодотворную попытку вскрыть наиболее древний период в формировании языковой общности, объяснить предисторию формирования родственных групп и семей языков. В финноугорских языках можно и должно найти фактический материал для обоснования данной гипотезы. В лексике и отчасти в морфологии финноугорских языков имеются элементы, общие со славянскими, романскими, германскими, иранскими, кавказскими, дравидскими, тюркскими, самоедскими и палеоазиатскими языками. М. Кастрец, Б. Мункачи, М. Веске, Ю. Вихман и другие лингвисты написали капитальные работы на тему о кавказских, иранских, индоевропейских, тюркских и самоедских «заимствованиях» в финноугорских языках. Факты, собранные этими языковедами, убедительны, но их интерпретация совершенно не стоит на уровне современной науки. В лучшем случае эти работы внеисторически устанавливают древние культурные связи между различными семьями языков, а в худшем случае они становятся обоснованием реакционных теорий (урало-алтайская). Из советских языковедов проблемой древней языковой общности интересовались Г. Н. Прокофьев, Г. М. Василевич и Н. Ф. Яковлев. К сожалению, исходным пунктом для обоснования лингвистической общности у Прокофьева и Василевич были языки из окраинных районов первобытной лингвистической непрерывности (палеоазиатские и самоедские). Нам представляется более целесообразным отправным объектом для разрешения проблемы первобытной лингвистической непрерывности евразийской территории сделать финноугорские языки, которые территориально относятся к более центральным районам протекания данного процесса и представляют собой, по мнению Д. В. Бубриха, по сравнению с тюркскими и европейскими языками более древнюю систему. «Финноугорская речь,— писал Д. В. Бубрих,— напоминала отчасти волну, распространяющуюся вместе с определенными формами охотничье-рыболовной культуры»⁸.

На материале финноугорских языков можно установить, что некоторые из слов, относящихся и по своему фонетическому облику и по своей семантике к основному словарному фонду данных языков, оказываются

⁶ Г. Д. Вербов, Пережитки родового строя у ненцев, «Советская этнография», Сборник статей, II, 1939, стр. 61.

⁷ Д. В. Бубрих, Указ, раб., стр. 29.

⁸ Д. В. Бубрих, Указ. раб., стр. 30.

распространенными с тем же значением на очень широких пространствах Европы и Азии. Возьмем, например, этноним *коми*, который в древности, очевидно, имел значение — человек. Это слово в мансийском языке по различным диалектам имеет три варианта: *ком*, *кум*, *хум* — человек. В хантыйском языке данное слово сохранилось в усеченной форме *хӧ*, *ху* — человек, а в венгерском оно в звуковой форме *хим* (*him*) имеет значение — самец. Далее это слово в сочетании *сӱссе кум* является этнонимом части лесных селькупов и дословно означает — таежный человек. А в звуковой форме *хаби* это слово встречается в ненецком языке, где оно имеет два значения: раб и название хантов и манси. В словосочетании *ензя'хаби* это слово доходит до Енисея как ненецкое название кетов. У европейских народов это слово со значением — «человек» сохранилось в латинском в звуковой форме *хомо* (*homo*), в славянских оно дало вариант *кум* (в русском и украинском). Таким образом, район распространения этого слова простирается от Апеннинского полуострова до берегов Енисея. Никакими теориями миграций нельзя объяснить такой широты распространения древних финноугорских слов. Мне представляется, что подобные слова подтверждают гипотезу о первобытной лингвистической непрерывности. Для обоснования данной гипотезы необходимо составить словарь подобной лексики и подвергнуть ее тщательному изучению. Если бы какой-нибудь языковед задумал классифицировать языки только по их местоимениям, то ему пришлось бы установить романо-германо-славяно-финноугро-самоедско-тюркскую семью языков. И действительно, местоимения всех этих языковых семей обнаруживают значительную общность. Таким образом, можно предположить, что местоимения возникли в Европе и Азии в период первобытной лингвистической непрерывности.

Позволю себе высказать некоторые соображения относительно возникновения и формирования финноугорской семьи языков. Я гипотетически допускаю наличие в предистории финноугорской семьи языков эпохи первобытной лингвистической непрерывности, но хочу дополнить гипотезу С. П. Толстова, указав, что даже в первобытную эпоху наряду со схождением, т. е. с взаимопроникновением слов и морфем из языков соседних родов, действовал и момент расхождения. При бродячем образе жизни перемена территории заставляла некоторые роды вступать в языковой контакт с новыми родами, приобретая лингвистические черты, сходные с наличествующими у новых соседей и отличные от имевшихся у прежних соседей. Таким образом, в самом языковом схождении с группой родов А заключается уже момент расхождения с группой родов Б. «Контакт,— писал Д. В. Бубрих,— обеспечивал далеко идущие сходства, впоследствии в значительной мере снятые, но раздельность питала различия»⁹. Потом, очевидно, вследствие более прочного закрепления на одной территории, какая-то часть наиболее территориально близких и, следовательно, наиболее сходных по языку родов выделилась из первобытной лингвистической непрерывности в территориально компактную группу и установила контакт, т. е. языковое взаимодействие, главным образом только внутри данной группы родов. Таким образом создались условия для возникновения финноугорской семьи языков.

Для каждого лингвиста-диалектолога вполне ясно, что даже в пределах одного определенного языка наибольшую фонетическую, морфологическую и лексическую общность обнаруживает речь наиболее близко друг к другу живущих людей. Это вполне реальное лингвистическое явление необходимо учесть и при исследовании и датировке процесса возникновения финноугорской семьи языков. Возьмем для примера общее финноугорское слово, обозначающее понятие «зима», и посмотрим,

⁹ Д. В. Бубрих, Указ. раб., стр. 30.

какие фонетические различия имеет это слово в отдельных группах языков финноугорской семьи.

Группы языков

Прибалтийско-финская	Пермская	Угорская
финск. <i>talvi</i> (talvi)	удмуртск. <i>тол</i>	мансийск. <i>тэл</i>

Из сравнения степени фонетической близости этих слов можно сделать вывод, что контакт между прибалтийско-финскими языками, с одной стороны, и пермскими и угорскими,— с другой, прервался значительно раньше, чем контакт между пермскими и угорскими языками. Как сказано, Д. В. Бубрих считал возможным включить ненецкие языки в одну систему с финноугорскими. Однако необходимо учесть, что в общем финноугорском ненецком пласте лексики ненецкие слова отличаются большей степенью фонетической отдаленности от слов всех финноугорских языков, чем слова отдельных групп финноугорских языков между собой, например:

Финноугорские языки		Ненецкие языки		
Прибалт.-финск. группа (финск. яз.) <i>värri</i> (veri)	Пермск. группа (коми язык) <i>вир</i>	Угорск. группа (язык манси) <i>выр</i>	Тундровый диалект <i>вєя</i>	— кровь

Учитывая особую степень фонетической отдаленности ненецких языков от финноугорских, мы полагаем, что контакт между финноугорскими и самоедскими языками имел место в очень глубокой древности, возможно, еще в период, предшествовавший эпохе формирования финноугорской семьи языков, где-то на грани первобытной лингвистической непрерывности. Значительно яснее время и место формирования финноугорской семьи языков уже после разрыва ее контакта с ненецким. Мы предполагаем, что в неолите на территории среднего Поволжья предки финноугров, первобытные рыболовы и охотники, жили хозяйственно обособленными родами, связанными между собой экзогамными отношениями. Характерным признаком их материальной культуры был ямочно-гребенчатый орнамент на керамике. Здесь на базе контактного развития родовых языков складывалась языковая общность финноугров. Конкретно эта языковая общность, вытекающая, по видимому, из более далекой эпохи первобытной лингвистической непрерывности, выражалась в звуковых соответствиях в речи людей, которые принадлежали к родам, имеющим не вполне одинаковые, а лишь сходные между собой языки. Такие звуковые соответствия образовывались чаще всего по линии гласных фонем между корнями слов и между морфемами, так как это были языки с примитивным, но все же грамматическим строем. Примером подобных звуковых соответствий, которыми отличались друг от друга родовые языки в общем для них пласте лексики, могут отчасти служить звуковые соответствия между общими словами современных финноугорских языков, например:

Языки

Финский <i>värri</i> (veri)	Коми <i>вир</i>	Манси <i>выр</i>	Эрзя-мордовский <i>верь</i>	— кровь
--------------------------------	--------------------	---------------------	--------------------------------	---------

Можно предположить, что в неолите на территории лесной полосы Европы, приблизительно в районе среднего Поволжья, жили отдаленные предки современных прибалтийских и поволжских финнов, а предки современных пермских и угорских народов были расселены от Западной Сибири до Волго-Камья. Мне представляется, что носителями раннежелезной «ананьинской» культуры в Приуралье являлись именно предки пермских и угорских народов. В процессе ассимиляции языка

ананьинцев — предков современных пермских и угорских народов — с языком предков прибалтийских и поволжских финнов и возникла финноугорская семья языков. Можно предположить, что законы строения слова у ананьинцев резко отличались от аналогичных законов древнего «финского» населения Поволжья. Поэтому общепермские слова в пермских и угорских языках по количеству слогов не совпадают с аналогичными словами прибалтийско-финских языков, например:

Группы языков

Прибалтийско-финск. (финск. язык):	Волжско-финская (эрзя-мордовский язык):	Пермская (коми-язык): <i>син</i> (вторая основа <i>синм</i>)	Угорская (хантыйский язык): <i>сэм</i>	— глаз
<i>сильмӓ</i>	<i>сельме</i>			

Таким образом, отмечаемый Д. В. Бубрихом и другими исследователями финноугорских языков процесс отпадения конечных гласных в общепермских словах пермских и угорских языков можно исторически объяснить как результат восприятия ананьинцами чуждой древней «финской» речи. Аналогичные явления сокращения количества слогов в воспринятой из языка-победителя лексике исторически прослеживается во французском языке, который образовался в результате скрещивания языка варваров галлов с латинским языком, например:

латинский <i>femina</i>	французский <i>femme</i>	— женщина
----------------------------	-----------------------------	-----------

В исследовании академика Л. В. Щербы по сильно германизированному восточно-лужицкому наречию сербского языка обнаруживается также, что заимствованные этим наречием немецкие слова являются по количеству слогов более краткими по сравнению с аналогичными словами немецкого языка. Археолог А. Я. Брюсов выдвинул предположение, что в энеолите население Поволжья испытало большое давление со стороны более южных скотоводческих племен со срубной культурой¹⁰. Очевидно, этим обстоятельством можно объяснить начавшееся в энеолите продвижение охотничьих племен, предков прибалто-финнов, на север по направлению к Прибалтике.

На территории нынешней Финляндии предки прибалтийских финнов встретили лопарей, язык которых Д. В. Бубрих называл «финноугроидным», т. е. таким языком, который не был исконно финноугорским, но в котором финноугорская речь наложилась на другую, иноплеменную. При этом в процессе контакта прибалтийско-финской речи с лопарской финский язык явился языком-победителем.

«На самоедов, — писал Д. В. Бубрих, — приходится смотреть, как на очень древних северян. С глубочайшей древности они соприкасались с лопарями, тоже очень древними северянами. Была полоса финноугорских и финноугроидных языков, тянувшихся по северу, начиная с относительно западных мест, неопределенно далеко в восточном направлении»¹¹.

На территории Прибалтики у предков прибалтийских финнов произошел контакт с носителями литво-латышских языков, в результате чего в прибалтийско-финскую лексику попало много литво-латышских слов и прибалтийско-финские говоры; наиболее тесно примыкающие к литво-латышским языкам, были частично ассимилированы последними. Здесь в прибалтийско-финской речи появились дифтонги и согласование

¹⁰ А. Я. Брюсов, Заселение севера европейской части СССР, «Ученые записки ЛГУ, Серия востоковедческих наук», вып. 2, Л., 1948, стр. 91—102.

¹¹ Д. В. Бубрих, К вопросу об отношениях между самоедскими и финноугорскими языками, «Известия Академии Наук СССР», т. VII, вып. 6, 1948, стр. 517.

имени прилагательного с именем существительным в числе и падеже. Здесь же, по мнению Д. В. Бубриха, под влиянием нетерпимости древней лопарской речи к шипящим, из прибалтийско-финской речи исчезли шипящие согласные. На территории Прибалтики в результате целого ряда исторических причин из единого языка прибалтийско-финского племени путем разветвления образовались четыре языка: финский, эстонский, вепский и карельский. Процесс образования последнего изложен Д. В. Бубрихом в работе «Историческое прошлое карельского народа в свете лингвистических данных»¹². Можно предположить, что однокоренные слова пермских и угорских языков и аффрикаты пермских языков представляют собой реликт языка древних ананьинцев и что эти лингвистические явления не были свойственны языку отдаленных предков древних «финнов», с которыми ананьинцы вступили в контакт на территории Волго-Камья. Возможно, что пласт слов, общих только для пермских и угорских языков, но отсутствующих в прибалтийско-финских языках, также представляет собой реликт древне-ананьинского языка, например:

Группы языков

Пермская	Угорская	
<i>мёс</i>	<i>мис</i>	— корова
<i>горт</i>	<i>курт, кёрт</i>	— деревня
<i>тёльсь</i>	<i>тыльсь</i>	— луна
<i>гор</i>	<i>кур</i>	— печь каменка
<i>мойд</i>	<i>мойт, моньсь</i>	— сказка

Однако можно предположить, что эти слова возникли в пермских и угорских языках уже после разрыва их контакта с прибалтийско-финскими языками.

На территории Прикамья предки пермских и угорских народов оформились в племена и создали своеобразную ананьинскую культуру.

Общность названий металлов в пермских и угорских языках может служить некоторым доводом в пользу того, что они вместе переживали и поздний ананьинский период. Можно предположить, что в первые века нашей эры угорское племя ушло из Прикамья на Обь, что подтверждается и археологическими данными.

После разрыва контакта между пермскими и угорскими языками в первых (кроме северного диалекта языка коми) исчезли долгие гласные и сингармонизм, а во вторых (кроме современного иртышского диалекта) потерялись аффрикаты.

Приблизительно в IX в. н. э. обские угры раскололись на два племени — хантов и манси. На почве экзогамных отношений у северных хантов возник контакт с лесными ненцами. Часть хантов была ассимилирована ненцами, восприняла ненецкий язык и вошла в состав группы лесных ненцев. Манси ассимилировали часть соседних с ними ненецких родов, в результате чего возникла народность селькупов.

Часть угров, кочевавшая в Черноморских степях, в конце IX в. поселилась на территории нынешней Венгрии под именем мадьяр. Несмотря на множество тюркизмов и славянизмов, венгерский язык сохранил грамматический строй и основной словарный фонд финноугорской семьи языков.

Пермское племя из Прикамья постепенно распространялось в направлении Вычегды и Печоры. Широкая территория препятствовала тесному контакту, вследствие чего образовались три племенных диа-

¹² См. «Известия Карело-финской научно-исследовательской базы Академии Наук СССР», 1948, № 3.

лекта: коми-пермяцкий, коми-зырянский и удмуртский, которые постепенно, благодаря нарастанию в них различий, превратились в три отдельных языка (приблизительно, X в. н. э.), причем удмуртский отличается от двух первых значительным числом тюркизмов.

Финские языки Поволжья в настоящее время делятся на четыре различных языка: эрзя-мордовский, мокша-мордовский и марийские (горный и луговой), время формирования которых пока не ясно.

Из сказанного можно сделать вывод, что финноугорская семья языков в ее современном виде сформировалась приблизительно в IX — X вв. н. э.

Высказанная мною гипотеза о происхождении финноугорской семьи языков не во всех своих частях в достаточной мере подкреплена лингвистическими фактами. Но я уверена, что на основе сравнительно-исторического изучения финноугорских языков, пользуясь методологическими указаниями товарища Сталина, советские лингвисты сумеют разрешить сложную проблему происхождения финноугорской семьи языков.